

КАРЛ БАРТ

Карл Барт — " самый значительный и вли-
ятельный евангелический теолог нашего поко-
ления". / Х.Лилье /.

Комментарии к " Посланиям к Римлянам" де-
лают его основателем так называемой диалекти-
ческой теологии, которая приходит на смену
либеральному протестантизму.

Карл Барт — инспиратор Церкви Исповеда-
ния. Эта церковь была протестантским центром
сопротивления фашистскому режиму.

В 1934году Барта изгоняют из Германии.

" Церковная диалектика Карла Барта являет-
ся самым значительным евангелически-теологи-
ческим произведением современности, повлияв-
шим также и на католическую теологию наших
дней.

ХРИСТИАНСКАЯ ЭТИКА

Этика есть попытка дать человеческий ответ на вопрос о достоинстве, правильности и относительном превосходстве человеческой деятельности. Христианская этика есть таким образом в первую очередь попытка дать этот ответ, как он осуществляется теми, кто использует христианство и кто более или менее серьезно хочет быть христианином. Поскольку эта попытка предпринималась изначально и везде, где были христиане, христианскую этику надо понимать как явление духовной и культурной жизни, как часть истории народов и наций. Но поскольку все попытки найти ответ на вопрос о сравнительном превосходстве человеческой, в том числе и христианской этики, и являются и должны являться спорными, христианскую этику надо также понимать как специальное поле критической теологической дисциплины, в которой должна подвергнуться испытанию правильность тех ответов на этот вопрос, которые возникали в истории.

Я хотел бы в некоторых штрихах очертить предмет исследования в этой области, — именно, как вопрос о достоинстве человеческой деятельности всегда находил ответ в христианском сердце, и как при любых обстоятельствах на него в глубине сердца нужно отвечать.

Христианская этика, как всякая этика, есть одна из попыток дать человеческий ответ на вопрос этот, но ее ответ не принадлежит к тому ряду ответов, которые может дать и привык давать сам человек на основе своего рассудка, своей со-

вести или на основе своего знания природы и истории. Христианская этика есть ответ в необычайном и глубоком смысле слова. Христианская этика отвечает на исходящий от Бога зов, который дошел до человека, продолжает доходить до него теперь и будет доходить до него снова и снова. "О человек, тебе уже сказано, что есть добро". Христианская этика есть попытка повторить то, что было сказано человеку, повторить человеческими словами и человеческими понятиями божественную заповедь. Христианская этика покоится на внимании и открытости человека перед заповедью Бога, перед ответом самого Бога на вопрос о добре, и в этом смысле — перед лицом божественной этики.

Христианская этика не покоится поэтому на философии или "мировоззрении", и она не сводится к развертыванию какой-нибудь идеи, принципа или программы. Человек отвечает на вопрос о добре ответами такого рода тогда, когда он замкнут в беседе с самим собой. Христианская этика не является частью той беседы, которую человек ведет с самим собой. Христианская этика поэтому начинается не с того, что можно было бы назвать рассуждением и рефлексией. Она начинается с услышания. Христианская этика мыслит теми помыслами, которые уже помыслены Богом в отношении человеческой деятельности, и христианская этика повторяет то, что уже было сказано человеку о его деятельности. Поэтому всегда должно происходить так, что христианская этика делает своей отправной точкой то, что должно представляться загадочным для человека, который еще не готов, или, возможно, уже не в силах

услышать Бога. Такой человек неизбежно споткнется на вопросе о том, откуда христианская этика заимствует свои концепции, как она использует их и как одни и те же концепции имеют столь разное значение и смысл и здесь по сравнению с тем значением и смыслом, которые они имеют в других контекстах. Тот, кто захочет понять христианскую этику, не сможет избежать того, чтобы и самому, по крайней мере гипотетически, не занять позицию в отношении той необычной точки зрения, с которой она мыслит и говорит, — когда человек обязывается прежде всего слышать, прислушиваться к слову Бога, и только уже после этого мыслить и говорить.

Христианская этика связана с той протекающей между Богом и человеком историей, которая была, которая продолжается и которая будет продолжаться впредь. Более конкретно, она занята деятельной ролью человека в этой истории. Бог делает нечто, и делает это таким образом, что человек тем самым призван сделать нечто в ответ. Этот зов человека к Богу, продолжающийся в этой истории, есть веление Бога. Это божественная этика, которую человеческая этика пытается понять и представить человеческим образом. То, что образует существо дела в отношении к этой истории и этого зова к человеку, можно, пожалуй, прежде всего понять в сравнении с системой современного социализма или коммунизма. Эта система заключается в концепции некоей линии развития, проходящей через человеческую историю, — историю развития экономики, собственности, труда, из которой вырастает, согласно социалистически — коммунистическому учению, совершенно конкретный зов, конкретное слово и конкретный императив для современного человека. Но

сколь бы значительна и истинна ни была история собственности и труда, она всего лишь детская игра в сравнении с той историей, с которой соотносится христианская этика. И как бы мощно ни звучал социалистически-коммунистический зов, он всего лишь слабый шепот в сравнении с тем зовом, который должна повторить, понять и представить христианская этика.

Что же, собственно, есть эта история? Что, собственно, представляет собою эта драма, о которой английский автор Дороти Сэйерс считает возможным сказать, что она - величайшая из когда-либо разыгранных драм?

Если сказать это в простейших возможных словах: Бог был, есть и будет человек. И случилось так, что Бог как этот человек не имел успеха, но должен был страдать и умер, как приговоренный к смерти преступник на эшафоте. И случилось, далее, что этот человек, который был Бог, восстал из мертвых. Но благодаря этому случилось также и то, что каждый человек в Нем, и все люди в Нем были вознесены к славе Бога. Я забегаю вперед. Конец этой истории заключается в следующем: случится, т.е. будет явлено всем и перед всеми, что наш грех и наши недостатки будут сняты с нас личностью этого человека, и мы в лице этого человека будем призваны к славе Бога. - Таким образом все произошло; и тем самым произошло то, что Бог был, есть и будет милостлив к нам. Вот вся история, происходящая между Богом и человеком, и его милости к нам. С этой-то историей соотносится христианская этика.

Христианская этика есть плод, растущий на этом дереве. Христианскую этику невозможно понять, если забыть перетолковать эту историю. Ведь именно эта история постоянно зовет человека к действию. Эта история затрагивает человека, именно такого, как он живет и действует. Эта история есть Слово, ожидающее от человека ответа, который он должен дать своим действием. Иисус Христос зовет человека к ученичеству, т.е. к человеческой жизни в той свободе, которую Он дает.

Теперь сказано достаточно для того, чтобы я дал, в наиболее общих и простейших выражениях, ответ на вопрос о христианском значении доброго деяния человека. Что есть "добро" в христианском смысле слова? Добро, в христианском смысле, есть такое поведение и такая деятельность человека, которая соответствует поведению и действию Бога в этой истории. Поэтому та деятельность человека - добро, в которой человек принимает, - и не только принимает, но и утверждает, - что Бог смирил Себя для него, чтобы человек мог жить и радоваться жизни. Та деятельность человека - добро, в христианском смысле, в которой человек признает, что он нуждается в божественной милости, но и также, что он не только нуждается в ней, но и причастен ей. Словом: та деятельность человека - добро, в которой человек благодарит за благодать Бога. Ничего кроме? Да, ничего кроме. Ибо все прочее, что можно было бы назвать добром - вера, любовь, надежда, всякая благодарная добродетель и долг заключается в этом одном: человек должен благодарить за благодать Бога. Вы знаете евангельский текст: "Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный". Но это совершенство Бога и есть

то, что он являет в этой истории, совершенство своей благодати. Поэтому добро есть то человеческое поведение и действие, которое соответствует благодати Бога.

Что же тогда зло, в христианском смысле слова? Зло есть такое поведение и действие человека, в котором он противоречит содержанию и действию истории Бога, в котором он спешит или прокрадывается мимо страдания и радости Иисуса Христа. То деяние человеческое — зло, в котором человек открыто или тайно, из страха или гордости, неблагодарен. Вот что такое зло. Ничто кроме? Да, ничто кроме, ибо все зло от Адама до наших дней, от великих ужасов мировой истории до маленькой лжи и мелкого недружелюбия, которыми мы взаимно отравляем свою жизнь, проистекает из человеческой ненависти к благодати Бога.

Я хотел бы теперь ответить на несколько близлежащих вопросов:

1. Каково значение "совести" в христианской этике? Со всей простотой она значит, что мы знаем о том, что Бог сделал для нас. И мы поэтому можем также знать о себе, при этом знать о себе так же, как Бог знает о нас, чтобы мы могли на основании этого знания таким образом выбирать и определять себя и свои действия, как Бог выбрал и определил нас. Доброе или злое действие — просто следование или неследование этому нашему знанию о Боге и о себе.

2. Каково значение Библии для христианской этики? Ответ на это не в том, чтобы Библия была какого-то рода кодексом законов для христианской этики. Верно то, что каждое суждение и каждая страница Библии важны для христиан-

ской этики; но важны как свидетельство, незаменимое свидетельство, благодаря которому мы вновь и вновь можем вызывать в памяти историю завета и милости Бога, историю Иисуса Христа. Кроме того, Библия есть свидетельство того состояния жизни, которое складывается среди людей в силу действия благодати Бога, как это описано, например, в десяти заповедях нагорной проповеди и поучениях апостолов. Из Библии мы учимся подчиняться такому состоянию жизни.

3. Каково отношение христианской этики к миру человеческой морали? Иными словами, какова ее позиция в отношении привычек и обычаев, старых и новых, в отношении к традиционным или, возможно, революционным способам жизни, следуя которым, человек, на первый взгляд независимо от той истории, с которой мы говорили, думает, что он знает и делает "добро"? Ответ на это один: христианская этика пронизывает весь этот мир морали, испытывает все и сохраняет лучшее, только лучшее, а это значит — те вещи, посредством которых всего лучше время от времени превозноситься благодатью Бога. Безусловно неизбежно, чтобы христианская этика постоянно, снова и снова приводила в замешательство человека с его моральными критериями.

Но теперь мне хотелось бы вкратце показать, как история, происходящая между Богом и человеком, зовет к преемственности в человеческой деятельности, как слово, сказанное нам в этой истории Богом, ждет ответа, как Иисус Христов зовет людей к ученичеству. Я могу тем самым показать, как христианская этика пытается повторить этот божественный призыв.

I. Мы сказали, что в этой истории Бог стал человеком,

и потому отдал себя делу человека, определив тем самым человека и сделавшись, ради человека, его ближним, Его добрым самаритянином, чтобы Он мог смириться над ним как над своим истинным ближним. Что говорит нам эта история? Она говорит нам: "Иди, и поступай так же". Христианская этика повторяет этот призыв к человечеству. Согласно христианской этики, человек как таковой, каждый человек, имеет законное право быть замеченным, утвержденным и принятым. Христианская этика не нейтральна. Она не заинтересована в каком-нибудь могущественном "Онс", сколь бы последнее ни было возвышено. Она всецело и исключительно занята отношениями "Я" и "Ты". Для христианской этики (и здесь Иммануил Кант говорил как христианин) человек никогда не может стать средством для достижения цели. Он сам цель, конечная цель. В силу того, что он человек, он почтен и более важен, чем любая великая слава. Почему? Потому что человек такое уж доброе и славное существо? Нет, но потому, что Бог столь почтил и удостоил его, став сам одним из его род.

2. В этой истории, о которой мы говорили, человека спасает лишь благодать, лишь заступничество Бога за него. Что говорит нам эта история? Она говорит: "Мысли не о возвышенных вещах, но снизойди к смиренным". Христианская этика повторяет сама себе и другим этот призыв к трезвости. Христианская этика не оптимистична. Она видит человека таким, каков он есть: заблудшим, осужденным и затерянным. Она видит в нем существо, которое способно лишь спотыкающимся шагом все глубже и глубже погружаться в распад и разврат под гнетом своих иллюзий и всякого рода размышлений.

Христианская этика знает, что человек живет лишь в силу служения Бога человеку, в силу терпения и всепрощения Бога. Она знает, что человек не может жить иначе, как тоже в служении, терпении, принятии прощения и, в свою очередь, прощения других.

3. В этой истории человек спасен заступничеством за него Бога. Что это значит? Это значит: "Не разрушай того, за что умер Христос". Христианская этика повторяет это поручение доверять человеку (хранимому Богом). Христианская этика не пессимистична. Нет причин сомневаться в себе или в других, нет причин ненавидеть или презирать друг друга, нет причин не заботиться друг о друге. В самом деле, ведь все мы живем в силу того факта, что Бог воистину восстал за нас. А это значит надежда для каждого из нас, нас самих лично и других. "Ты можешь, потому что ты должен", сказал Иммануил Кант. "Ты можешь, потому что ты смеешь", говорит христианская этика.

4. В этой истории единый Господь, — не надо смешивать Его со всеми другими господами, — пришел на помощь к человеку. "Я Бог всемогущий; ходите моими путями и будьте подобны Богу". Христианская этика повторяет этот призыв к ответственности на основе личного избрания и зова. Христианская этика не коллективистична. Это значит, что христианская этика понимает всякое подлинно человеческое существование как совершающееся по свободному решению самого человека и как его собственную свободную позицию, которая не позволяет индивидууму быть связанным каким-то бы ни было прежним решением той или иной высшей власти или волей той массы, к которой человек принадлежит. Послушание, по замыслу христианской этики, совершается всегда в одино-

честве одного человека перед единым Богом.

5. Что произошло в этой истории, было действием милости единого Бога, затронувшей каждого человека. Что говорит нам эта история? Она говорит: "Вы все братья". Христианская этика повторяет этот призыв к обществу на основе общих человеческих нужд и той помощи, которая дается всем сообща. Христианская этика не индивидуалистична. Христианская этика образует общность, общность христиан, в первую очередь, общность тех, кто слышал этот зов. Но христианская этика не позволяет людям вне общности христиан отрываться от нее или строить нечто вроде партии. Это может привести только к образованию общности тоже внешней: гражданской общности. Будь он христианином или гражданином, человек призван христианской этикой при любых обстоятельствах к вовлеченности на стороне общего дела, в котором не может быть оппозиций, но лишь сотрудничество людей разных убеждений.

6. В этой истории слава Бога явилась в том, что Бог сделал Себя рабом человека. О чем говорит эта история? Она говорит: "Тот, кто величайший среди нас, есть раб всех". И Христианская этика в своей цельности повторяет этот призыв к служению. Христианская этика не аристократична, она не знает никакого царского достоинства, никакого самодержавия всжда или хозяина, кроме такого, когда человек находится в распоряжении других людей, как звено в цепи, как христианин среди христиан, как брат среди братьев. (Это высшее достоинство человека, — быть призванным выступать заступничеством за других перед Богом и за Бога перед другими, облакая таким образом высшее достоинство в глубочайшее смирение).

7. Деяние Бога для человека всеобъемлюще и окончательно. "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всей душой твоею, всем разумением твоим и всею крепостью твоею". Вот что говорит нам эта история. И христианская этика повторяет призыв этот к цельности. (Христианский императив таков: Ожидай от Бога всего, и всего — от Бога). Христианская этика ни в каком смысле не дуалистична. Она не допускает никакого раскола или разделения, никакой увлеченности наличным без потустороннего, и никакой увлеченности потусторонним без узрения света, сияющего из него в наличное. Она не допускает никакой речи о молитве, которая сама по себе не вела бы к делу, и никакой речи о деле, которое не было бы основано на молитве. Она не знает никакой души отдельно от тела, и никакого тела отдельно от души; никакой частной сферы без общественной ответственности, и никакой общественной ответственности без мирного полюса интимности. Христианская этика ~~не~~ имеет дело с человеком, который всецело потерян, всецело спасен и потому призван как цельный человек.

Вот, в кратких словах, продолжение этой истории, ученичества у Иисуса Христа; и вот как христианская этика повторяет зов Бога.

Позвольте подвести итог: христианская этика ясна, осмысленна и реалистична, поскольку она помещена в такой контекст, — т.е. поскольку она оглядывается на эту историю, о которой мы только что говорили. Христианскую этику можно понять только с этой точки зрения. С другой стороны, то же самое справедливо и в отношении христианской догматики. Она тоже подлинна и осмысленна лишь поскольку ориен-

тируется на человека, призванного к действию этой истории. Как иначе было бы понимать христианскую догматику, катехезис и "символ веры", если не совокупно с этим призывом?

В этом же контексте я попытался определить христианскую этику: христианское дело есть плод христианской веры, христианский закон есть форма христианской благой вести, а христианская этика есть императив поучающей части христианской догматики. Тот, кто хочет понять значение христианской этики, должен постараться во что бы то ни стало избежать здесь разделения.

Я заключаю словом апостола Павла из его "Второго послания к Коринфянам": "И потому что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения. Итак мы — посланники от имени Христова, и как бы сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом". Здесь вся целиком христианская этика.

ЦЕРКОВЬ: ЖИВАЯ ОБЩИНА ЖИВОГО ГОСПОДА

ИИСУСА ХРИСТА

Если хотеть говорить о христианской Церкви, понимать и описывать ее, надо сосредоточенно и настойчиво вызывать в сознании образ живой общины живого Господа Иисуса Христа. Если здесь быть половинчатым или остановиться на полпути, если хотя бы в самом малом поступиться этой истиной, то самые глубокомысленные слова, которые можно сказать на нашу тему, станут скользкими, тусклыми и в конечном счете бессмысленными. Любое самое искреннее восхваление Церкви как тела Христова, невесты Христовой, как града, народа и стада Христова окажется тогда натянутым и сомнительным, потому что все эти новозаветные интуиции и слова относятся лишь с живой общиной Господа Иисуса Христа, и только с нею. Любое самое добросовестное обсуждение природы и единства Церкви, ее строения и цели, ее внутренней жизни и ее назначения в этом мире будет вести тогда только в неинтересные тупики. Приходится серьезно опасаться, что любое самое благочестивое и ревностное радение о Церкви неизбежно окажется тщетным, если оно не питается непосредственно этой истиной.

Мы будем говорить здесь (1) о СУЩНОСТИ Церкви, то есть о ее природе и реальном существовании; (2) об УГРОЗЕ для Церкви, т.е. об опасности для нее потерять реальность своего существования как Церкви; и (3) о том, что одно может охранить ее от этой опасности: ОБНОВЛЕНИИ, или ре-

формации Церкви на той основе, из которой она возникла.

Та истина, на которую мы опираемся, произнося слово "Церковь", есть живая община Живого Господа Иисуса Христа.

СУЩНОСТЬ ЦЕРКВИ.

Понятие "Церковь" есть понятие динамической реальности. Оно говорит о Господе Иисусе Христе, восставшем из мертвых, и о Его общине, которая спешит с этого момента к Его грядущему самоткровению. Это понятие говорит о специфической ИСТОРИИ между Богом и человеком во времени, определенном и означенном этими двумя датами, одна из которых есть ее начало, другая - цель. Бог внутри ЭТОЙ истории позволяет определенным людям жить в качестве Его друзей, в качестве свидетелей того примирения мира с Ним, которое уже совершилось в Иисусе Христе. Бог в ЭТОМ событии позволяет таким людям быть глашатаями победы, одержанной Им над грехом, страданием и смертью, предвестниками Его грядущего откровения и проводниками пламенной любви Творца ко всему Его творению. Церковь есть общество или общность людей, которым Бог позволяет жить в этой определенности и с этой значимостью. В этом смысле время между воскресением Иисуса Христа и Его возвращением есть время Церкви. Оно есть время той истории, о которой мы здесь говорим. Это есть время, в которой церковная община собирается во-едино в порядке событий, начинающегося на небесах, на вечном троне Бога, в тайне Триединого Бога, и простирающегося на землю, достигающего тварного мира, чья история те-

чет к свсему концу. Церковь существует благодаря тому, что нечто всегда ПРОИСХОДИТ. Церковь существует как СОВЕРШЕНИЕ этого СОБИРАНИЯ ВОЕДИНО. Это нам надо теперь изложить.

Сущность Церкви есть событие, когда люди сообща встают перед фактом примирения мира, совершившегося в Иисусе Христе (а тем самым — в сфере осуждающей благодати и благодатного суда Бога), чтобы так они могли быть призваны соборно благодарить и любить своего ближнего во славу Его. В меру наличия этой особенной собранности посреди общей истории мира со всеми ее комбинациями и противоречиями возникает и живет собор Иисуса Христа, существует Церковь. Так, и только так: ибо те, кто собраны в этой общине как восприемники того дела и как хранители той цели, составляют общность "святых", вне которой не может быть церкви в новозаветном смысле. Слово "Церковь" указывает на динамику этого человеческого события, которое происходит внутри остальной человеческой истории; в противном случае — оно пустое слово, которое не указывает ни на что.

Сущность Церкви есть событие, когда эта особенная человеческая собранность становится возможной и действенной. Происходит то, что Иисус Христос дает Себя этим людям — каждому лично особенным образом, но каждому в одной и той же реальности, — и они познают Его как своего Господа, который есть также Господь мира, и Господа мира, который есть также их Господь. Происходит то, что Он использует свою державу не для покорения этих людей, но для пробуждения их к СВОБОДНОМУ ПОСЛУШАНИЮ. И происходит то, что вза-

имность их послушания покоится не на том основании, что каждый насилуем или понуждаем остальными, но на том основании, что все они в непосредственной свободе своего подчинения Тому, кто есть Господь их всех, оказываются соединенными также и в свободе по отношению друг к другу. Слово "Церковь" должно указывать на эту державу Иисуса Христа, и именно вследствие этого также на свободную общину или общность, которая свободна по отношению к Нему, и свободна во взаимоотношениях всех ее членов. В противном случае это слово "Церковь" указывает на то, в чем нет церковности.

Сущность Церкви есть событие, в котором Божье Слово и откровение в Иисусе Христе, и служение Иисуса Христа как Богом посланного Пророка, Священника и Царя, совершается в такой мере, что оно становится СЛОВОМ, направленным к людям, достигающим и затрагивающим определенных людей. В этом событии эти люди бывают затронуты так, что своим человеческим существованием они дают ответ, соответствующий этому Слову. В этом событии они получают свободу всем своим существом дать ответ на истину, откровением которой был Иисус Христос, на Его отдавание Себя за грехи их и всего мира, на Его царственность как Воскресшего. То есть, они получают свободу последовать Ему и быть в этом смысле "христианами". Церковь отличается от мира тем, что для Церкви творчество Бога осуществляется не только объективно, но творчество Бога затрагивает и побуждает ее и как Божье слово, и как человеческий ответ на него. И эта община отличается от всего, что только кажется общностью,

тем что творчество Бога внутри ее не просто известно и признано как хранимая и передаваемая истина веры, но оно есть событие, которое действительно совершается в историческом согласии зова Христа и христианского послушания. Слово "Церковь", если оно хочет быть подлинным словом; должно в каждом случае указывать на это историческое согласие.

Скажем и конкретнее: сущность Церкви есть событие, в котором Священное Писание как апостольско-пророческое свидетельство об Иисусе Христе осуществляет "явление духа и силы" (и таким образом свое самоподтверждение) для определенных людей, так что эти люди получают свободу знать себя как людей, просвещенных и обьятых этим свидетельством, т.е. Тем, на кого это свидетельство указывает. Сказать, что Священное Писание хранимо этими людьми и чтимо ими как последняя истина, что оно разъясняется среди них в проповеди, обучении и пасторском попечении и прилагается к их жизни, значит сказать еще не все. То, что происходит среди этих людей, нужно **свзрее** назвать так: Священное Писание говорит и воспринимается, как Божье Слово; движущийся ливень, о котором говорил Лютер, воистину льется на этом месте. Здесь становится правдой: "Тот, кто слушает вас (апостолов), слушает Меня". И здесь, во всем этом и благодаря всему этому, Священное Писание учреждает Церковь. Она существует и учреждается там, и только там, где апостольское свидетельство воистину не остается сокрытым, но становится зримым, как город на горе, Там — плодотворное сношение Библии с людьми и людей с Библией. Слово "Церковь" должно указывать на это сношение. Ни в коем случае оно не должно указывать на что-либо иное — и даже вообще на что-

-либо кроме этого.

Сущность Церкви (рассмотренной изнутри) есть событие, которое называется в Ветхом Завете "сообществом Святого Духа". Сообщество Святого Духа есть не что иное, как подлинно-действенная мощь и сила творчества Господа Иисуса Христа, которое стало словом, обращенным к определенным людям, и побудило их к ответу на него. Сообщество Святого Духа создает живую общину Церкви. Нет ни одного текста в Новом Завете, на основании которого Церковь можно было бы рассматривать и понимать, если можно так выразиться, в себе и из себя, или как бы то ни было иначе, чем как сообщество Святого Духа, которое дается сообща определенным людям и соборно осуществляется ими. И опять-таки, нет ни одного текста в Новом Завете, который позволил бы нам понимать сообщество Святого Духа как что-либо иное, чем событие, происходящее между Живым Господом Иисусом Христом и определенными людьми, когда Его жизнь и страдания, Его смерть и воскресение становятся для них божественным Словом, на которое они смеют, должны, хотят и могут дать свой человеческий ответ. Сообщество Святого Духа есть действие, исходящее из самого сердца Бога, при совершении которого становится правдой то, что определенные люди посреди этого мира знают нечто действительно для всего мира, но еще не познанное как действительность остальным миром, знают нечто, о чем остальной мир и должен быть впервые извещен через этих людей: что Иисус Христос есть Господь.

Слово "Церковь" должно при всех обстоятельствах иметь содержанием сообщество Святого Духа, понимаемое таким образом. Это можно сказать также и иначе: сущность Церкви есть

событие, в котором крещение во имя триединого Бога, принятое многими людьми в разное время, воистину напоминает нам, что они тем самым приняты в дружество Бога и потому поставлены ответственными перед всем миром за дела Бога, И можно еще выразить это так: сущность Церкви есть событие, в котором эти многие люди, поскольку они все принимали хлеб и чашу Господней Вечери, предвкушая силу и радость будущего откровения, уже участвуют здесь и теперь в "брачном пире Агнца", а потому уже здесь и теперь соборно хранимы и соборно водружаемы в вечной жизни. Слово "Церковь" означает эту историю, это действие, это божественное давание и человеческое приятие крещения и причастия. Тогда и только тогда оно есть значащее слово.

Сущность Церкви есть событие, в котором общность общины становится светом, светящим также и в мире. Церковь существует постольку, поскольку она делается зримой для мира (будь она миром понята или нет) как живая общность, живая в том смысле, что она слышит слово Бога и отвечает на Него, стоит и выступает как сообщество Святого Духа, исходит из крещения и движется к причастию. Речь идет о событии, в котором церковная общность, посреди мира, отличает себя от мира и тем самым неизбежно особенным образом задевает этот мир. Речь идет о том, чтобы эта община настезь открыла свои двери и окна, стремясь воистину участвовать не в фальши и особенно не в религиозных и моралистических иллюзиях, но в его действительных заботах, нуждах и целях, ~~и~~ стараясь представить спокойное средоточие жизни и раздумья в противоположность активности и

праздности мира, и имея решимость стать в этом контексте источником пророческого беспокойства, увещания и побуждения, без чего этот преходящий мир не в силах длиться. И прежде всего прочего, эта община должна быть открытой для мира, чтобы своим провозглашением царства Бога сделать зримыми ясные, но также суровые пределы всякого человеческого движения и усилия, прогресса и регресса, восхождения и нисхождения. Церковь не существует в силу раздумий, изучения, обсуждения и самоподготовки для этого отношения к миру. Церковь существует в действительном осуществлении этого отношения во всякое время с должным чувством уверенности, реализма и необходимости. Следствием является здесь то, что она может тогда дать и в этом отношении должный человеческий ответ на сказанное ей Слово Бога. Слово "Церковь" должно указывать на это ПОВЕДЕНИЕ Церкви в мире. В противном случае слово пусто, и указывает на одно из созданий тьмы, в котором не найти настоящей Церкви.

Лютер, по-видимому, некоторое время думал упразднить слово "Церковь" вообще и заменить его словом собор или община. Если бы он действительно осуществил свою мысль, это могло бы иметь неизмеримое значение, — не только для лютеранской Церкви! В пользу такого предложения можно сказать многое. Предмет, обозначаемый "Церковью" в "Символе веры", столь же конкретен, что слово, которым мы его называем, должно при всех обстоятельствах быть словом такого рода, которое передает слушателю или читателю соответственно конкретный образ. Греко-латинское слово первоначально служило этой цели. Французское слово безусловно уже более не служит ей, и, конечно, не служит ей у нас сегодня

германское слово _____, относительно значения которого ученые еще не пришли к согласию. Наоборот, слово _____ община выражает нечто такое, что несомненно еще очень конкретно для нас. При всем том предложение Лютера не разрешает всей проблемы. Греко-латинское слово _____ говорит в основном не о существовании или состоянии общины или собора, но о событии их собрания. Поэтому простая подстановка "собора" или "общины" вместо слова "Церковь" не будет целесообразной. Решающим является здесь то, чтобы мы снова научились, употребляя слово "Церковь", думать не только об организации, а когда мы употребляем более удачное слово "община" — не только о существовании и состоянии общества, но подразумевать под обоими словами, скорее событие собрания. К самой сущности Церкви принадлежит — и ничего, с чем мы имеем дело в Церкви, не может быть, собственно, понято вне этого, — что Церковь есть "событие собрания воедино", и в этом смысле "живой собор". Мы пытались сказать, что такое Церковь, при помощи описания самого этого события. Очевидно, в свете этого прилагательное "соборный", которым столь часто злоупотребляют, должно стать объектом более основательной критики и пересмотра.

УГРОЗА ДЛЯ ЦЕРКВИ.

Господь Иисус Христос живет, "восседая одесную Бога, всемогущего Отца, откуда он придет, чтобы судить живых и мертвых". Совершенно иным образом, хотя всецело от Него и с Ним, живет на земле, в "промежутке времени", внутри

мировой истории, Его общины. Что касается ее Главы, Церковь божественна по природе и способу бытия. Как Тело этой Главы, она несомненно и недвусмысленно ЧЕЛОВЕЧНА. В себе и от себя она есть частица тварной и потому угрожаемой реальности. Ее существование есть существование, обеспеченное, неугрожаемое и неоспоримое только сверху или свыше, только от Бога, не снизу, не со стороны ее человеческих членов. В событии Божьего Слова и Духа она обеспечена от опасности, оправдана, освящена, очищена и хранима от зла в силу того, что она — свыше, от Бога, и только в силу этого! В ее Господе Иисусе Христе (но и только в нем) ее обеспеченность. От Него (но также только от Него) она получает обетование. Взирая на Него (и только так), она приобретает уверенность в своем постоянстве и устойчивости. Ее постоянство во времени совершается в ее постоянном учреждении заново, благодаря все новым явлениям милосердного Бога, в постоянности истории, в которой Священное Писание выступает деятельным, действующим субъектом) , "царица и наставница", в новых откровениях и самоутверждениях божественного Слова и Духа. : Она пребудет вечно.

Обещает и гарантирует это постоянство — верность Бога! Она и только она, потому что со стороны человеческих членов Церкви такой гарантии нет. Их вера, хотя она пробуждена Словом и Духом Бога, не есть их собственное неотчуждаемое владение, которое они не могли бы утратить; и это относится также к их знанию, их послушанию, их любви, их надежде и их молитве. Возможность неверия, лжеверия, суеверия, невежества, безразличия, ненависти и сомнения, даже

бессилия их молитвы — все это рядом с ними, и постоянно будет рядом, пока длятся времена, пока последнее откровение победы Иисуса Христа не рассеяло эти тени. Поскольку все это так, существование Церкви с ее человеческой стороны есть угрожаемое существование. Пока Бог не есть еще все во всем, оно не может быть иначе. По всей видимости, угроза Церкви не обязательно должна быть острой, не обязательно должна вводить в искушение. Чтобы не быть искушаемой, Церковь должна была бы быть оберегаема от всякой угрозы своим Живым Господом. Но в этом все дело: Церковь никогда и нигде не живет в такой зависимости от своего живого Господа, чтобы угроза, под которой она существует, не имела бы способа коснуться ее, не могла бы стать также и искушением. К сожалению, на самом деле все обстоит так, что острая угроза для Церкви существует во все времена и повсюду, что это не только угрожаемая, но так или иначе искушаемая Церковь. Община "без пятна или порока" есть община, с которой Иисус Христос "явится во славе" — это ни в край мере не та община, которая существует в мировой истории, стремящейся к своей цели.

Угроза для Церкви и искушение ее может иметь много причин и принимать много форм. Может случиться, что свет божественного Слова, которое поставило людей в свете и также просветило их, еще ставит их в свете, но при всем том уже не просвещает их, потому что их взор отяжелел от дремоты. Мы знаем, что говорит Евангелие о бодрствующих рабах (Лук. 12, 37). Напротив них стояли рабы, которые ока-

зываются вдруг способны лишь щуриться, чьи открытые глаза внутренне погружены в дремоту, и которые поэтому в действительности не могут видеть. Они знают Библию и древние "Символы веры", Вероисповедания и катехезис, признают их авторитет. Они кивают головой в добросовестной верности и послушно говорят: Да, Да! Но они уже прошли мимо главного, — что эти старые слова, да это свидетельство Бога, есть призыв, обращенный к ним, на который они сами должны ответить здесь и теперь своими собственными словами, своей собственной жизнью в диалоге с нуждами и целями настоящего мира так, как если бы они слышали его в первый раз, стоящего мира так, как если бы они слышали его в первый раз, — как они действительно и услышали его в первый раз в своей ситуации здесь и теперь. Великое объективное колесо еще вращается, но увы, оно вращается уже в пустом воздухе, потому что малое субъективное колесо, которое должно приводиться во вращение первым, уже отцепилось, — еще несколько вялых оборотов, и оно остановится. Христиане еще встанут и утверждают свою веру, или, может быть, веру своих отцов, но откровение Бога стало уже для них миром призраков, полным достопочтенных истин и высоких нравственных законов, с которыми сами они, собственно, уже и не знают, что делать, с которыми они поэтому едва смеют вторгаться в этот мир, устало подавляя собственную зевоту. Иисус Христос, восставший из мертвых, стал для них религиозной идеей; в экзистенциалистском марбурге можно справедливо говорить, что он стал мифом. Все, что остается от ожидания церковной общины его прихода и стремления к нему, это деятельность почтенного хранителя музея, да случайные посещения нескольких лю-

бопытствующих посетителей.

Может так случиться, — это другая форма искушения Церкви, — что Христиане сделаются косоглазыми. Мы знаем, что говорит Евангелие (Мя.6,22) о простом глазе, и о другом глазе, противоположном первому, — что он лукав, и потому все тело становится полно тьмы. Свет Божьего Слова сияет христианам, и они видят его. Но их взор блуждает. У них в мысли нет отвергать Бога или быть в непослушании ему. Возможно, они хотят служить ему с большой ревностью и усердием. Но помимо угодного Богу они ищут также угодного им и другим людям, и они неспособны отдать себе отчет в том, что это две разные вещи. Где-то на своем пути они влюбились в себя и запутались в себе, — возможно, в интересах и в следовании нравственности окружающего их общества; возможно, с ними случилось то, что естественно и обычно случается в этой или другой стране; возможно, повлиял господствующий оптимизм или даже пессимизм, или что еще хуже и опаснее, они могли влюбиться в себя в форме их собственной, доставшейся им в наследство, формы христианства, в особенно почтенных формах веры и культа, в какой-либо специфической форме христианского опыта и жизни, в особенном устройении отношения между Церковью и государством, между христианским и политическим существованием. Они говорят о "Слове Бога", так и не замечая, что на самом деле подразумевают одну из форм этих или устройств. Они говорят "христианская вера", и подразумевают веру в вечность этой формы или этого устройства. Они говорят

"христианская верность", и подразумевают верность такому устройению. На этом они приступают теперь строить Церковь; и они даже полагают, что могут и притом должны предложить этому миру как "христианство"!

Наихудшая форма искушения для Церкви та, которая описана Евангелием в образе "слепых вождей слепых" (Мф. 15, 14). Глаза христиан могут стать слепыми. Они залиты светом Божественного Слова, но что пользы в том для них? Свет уже не достигает их, ибо они отсутствуют: они в самодельном мире своих собственных религиозных снов. По сути дела, в них хранится лишь память о том, что Иисус Христос был; есть и будет Господь. Библия стала для них источником словесного материала для их собственных мыслей. А их собственные мысли исходят из предпосылки, что религиозный человек сам себе Господь: Закон Бога есть идеал, который человек устанавливает для себя, евангелие — пособие, с помощью которого он подбадривает себя, святость — дисциплина, которую он накладывает на себя, царствие Бога — "прекрасный новый мир", который человек может и должен построить для себя. Церковь сама стала миром, в определенном смысле — пророком мира, ее благовест — от человека, который стал Богом, от плоти, которая стала Словом. И все же такие люди не замечают, что на этом пути они превратились в ничто и полностью потеряли смысл для окружающих.

Все это формы угрожаемой Церкви, которая действительно подверглась искушению. Тогда происходит то (конечно, по-своему в каждой форме), что событие, источник которого в живом Господе Иисусе Христе, иссыхает в церковной общине, и жизнь общины, соответствующая этому событию, лишается

постоянства. Отпадает необходимость в этом постоянстве. Община подвергается опасности. Община состоит из людей, которые способны погрешить против Божьей благодати. Поистине, чудо, если этого не случается: и это чудо может но оно не обязано случиться. Церковь не непогрешима. Человеческая свобода, которая должна отвечать державе Иисуса Христа, может не сбыться. Может снова и снова проявиться человеческая ограниченность в отношении Бога, то в своих наихудших, то в своих "христианских" формах. Ответ, которым христиане обязаны Слову Бога, может не последовать. Уши, слушающие свидетельство Писания, могут оглохнуть. Сообщество Святого Духа может быть растрчено впустую, крещение и причастие могут стать пустой условностью, церковный благовест миру — объектом щепетильного обсуждения. История, раскрытая со стороны божественного Субъекта, может зайти в тупик в человеческом субъекте. Все это МОЖЕТ случиться. Прошедшая история Церкви и современные известия о Церкви показывают, что все это действительно случается, и показывают также, как это случается.

И вот, там, где события, о котором мы говорим, не сбывается и перестает быть событием, там Церковь перестанет быть Церковью. Знак терпения Бога в том, что это обязательно должно наступить сразу и сказывается во всем, и что жизненные токи между Господом и его общиной прерываются лишь частично, только в некоторых аспектах и сферах ее существования. Но пусть никто не обманывается относительно этого: где и поскольку они прерываются, где и поскольку это событие уже не сбывается, там Церковь перестает

быть Церковью, там на ее место вступает нечто иное, что лишь обманчивым, несобственным образом может называться "Церковью". "Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв" (Откр. 3,1). И это опасно, когда Церковь только частью мертва, частью уже не Церковь. Эта часть становится тогда раковой опухолью, которая может легко поразить здоровые ткани и стать смертью для всего тела. Тогда периферийный недуг грозит тем, что вся Церковь перестанет быть Церковью. Если этого не происходит, причина лишь в том, что Живой Господь Иисус Христос не может умереть, и в том, что Церковь движется по пути воскресения, зависящего от Него. Иначе Церковь в себе и от себя могла бы только разложиться и погибнуть.

Когда Церковь умирает, горизонт не становится, конечно, ясным: простой вакуум — не исход. Плодом тьмы той угрозы и искушения, что гнетет Церковь (или, если взглянуть на дело в другом свете, то, конечно, знаком терпения Бога) является то, что на сцене остается нечто, что кажется и что напоминает Церковь, хотя и не заслуживает этого имени. Даже мертвая община или омертвелая часть живой общины обычно имеет форму "церкви", "церковной" традиции и "церковной" жизни. Точно так же, как все это не может ограждать Церковь от угрозы и искушения, так и злейшее искушение Церкви не исключает, как правило, всего этого. Больше того, может даже случиться, что Церковь перестанет быть Церковью, и вот тогда-то вещь, называемая "Церковью" действительно оживает и набирает силу, блеск и значение в мировой истории. Может случиться, что именно кажимость Церкви или кажущаяся Церковь, Церковь с сонными, косыми

или слепыми глазами, Церковь, в которой встреча Бога с людьми и людей с Богом уже не есть событие, но лишь установление, догма, программа и проблема, будет особенно благоденствовать в наш век и, возможно, пользоваться исключительным уважением общества и государства. Если для Церкви открывается такое благоденствие, тогда она имеет действительное основание спросить себя, не дьявола ли она должна, возможно, чтить и благодарить за то обстоятельство, что она давно уже превратилась в кажущуюся церковь. Но не надо заглушать и другой вопрос: не наступил ли, когда пришли плохие времена, возможно, заслуженный суд Божий, который рано или поздно должен постичь Церковь уже в этом веке, поскольку она стала лишь кажущейся церковью.

Что угроза для Церкви велика, что от имени Церкви выступает много омертвевших и кажущихся церквей, с решающей ясностью показывает тот факт, что ее единство проблематично. При живом Господе Иисусе Христе может быть лишь одна живая христианская община: каждая частная христианская община и каждая совокупность таковых при всех своих различиях должны видеть во всех остальных лишь различные формы одной общины, в которой каждая община узнает себя в других и других в себе. Сущность Церкви, есть событие, или сывание, божественного Слова, и ее человеческий ответ есть единая сущность, которая неделима, нерасчлняема, и которая не содержит внутренних противоречий. Но именно эта событийная сущность Церкви, непрерывный ток ее связей с живым Господом, есть единственная и последняя гарантия ее единства. Если это событие не будет сываться, если

Церковь будет силиться стать Церковью иначе, чем в событии этого события, если ее глаза сделаются сонными, косящими или слепыми, если она станет кажущейся церковью, то она с необходимостью немедленно утратит свое единство. Собирающий ее воедино есть живой Господь. Призрачный мир объективных истин и высоких нравственных законов не соберет Церкви: не соберет ее и никакая из всевозможных комбинаций вещей, угодных Богу, с вещами, угодными людям; и наверное не соберет ее ни один из тех сонных образов, в которых люди возвеличивают себя под именем Бога. Мертвые общины верующих могут быть лишь разделенными общинами, лишь обманчиво соединенными таким образом, что каждую минуту они могут вступить в открытый конфликт друг с другом. Но дело еще серьезнее: тот факт, что живые и мертвые общины живут сообща более или менее мирно, никоим образом не предполагает, что они могут стать единой общиной.

Если есть вещи, различные, как огонь и вода, то это живые и мертвые общины, церковь и кажущаяся церковь. Дело провозглашения и пасторское попечение (только на основе исповедания истины и тем самым утверждения противоположности) будут, конечно, здесь не просто возможны. Они будут действительно необходимы. Но единство (пока реальность не сменит кажимость, или смерть не уступит места новой жизни) будет совершенно невозможным. Любовь, которая не сделается здесь пламенной, любовь, которая будет искать иного, более удобного единства, чем утерянное и долженствующее быть вновь обретенным в самом Иисусе Христе, не будет христианской любовью, не создаст она и единства. Она может только живую из этих двух общин сделать мертвой общиной. При всем том

остаётся фактом, что единство Церкви раскалывается из-за существования кажущейся церкви. Заслуживает раздумий то обстоятельство, что живая община страдает этим обстоятельством не только субъективно, но, поскольку она выполняет свой долг (идя по своему собственному пути), преодолевая кажущуюся церковь, она будет страдать также и объективно. Живая община сама не погрешима и не вне опасности; и опасность, угрожающая ей самой, станет несомненно острее из-за того, что рядом с ней стоит эта мертвая община, эта кажущаяся церковь, и она не может существовать иначе, как противостоя ей. Это означает для нее искустительную опасность сообразовываться с той, другой, в недолжном. Это также означает для нее искустительную опасность сделаться заносчивой и черствой в недолжном, опасность жить на основе церковной оппозиции, как если бы в этом был питающий ее источник откровения. Таково искушение церковной самонадеянной праведности, которая означала бы смерть общины, превращение ее в кажущуюся церковь. Не существовало живой общины, которой не приходилось бы бороться с этим двойным искушением всегда, когда она сталкивалась с мертвой общиной. Проблематический характер единства церкви, порождаемый угрозой, при которой живет Церковь, есть поэтому по-настоящему нечто большее, чем красивое несовершенство. Разделение Церкви не есть поэтому просто аспект того, что ей угрожает; скорее, в этом разделении заключено существо всей опасности. Таким образом вопрос сохранения и обновления Церкви должен быть в конечном счете вопросом ее единства.

ОБНОВЛЕНИЕ ЦЕРКВИ

Церковь под угрозой. Она нуждается поэтому в сохранении. Однако сохранение Церкви должно явным образом значить: обновление ее существа как события, обновление ее основания, обновление ее собранности воедино как общины. Поскольку действительно острая угроза для Церкви в ее частях и в целом есть вопрос существования или несуществования Церкви, то ничего иного, кроме обновления, никакой простой помощи, поддержки, улучшения, ничего подобного недостаточно для ее сохранения. Если Церковь сохраняется, если наперекор всему она имеет постоянство во времени, то это должно значить, что она переживает еще, снова и снова, то же самое, что она переживала при своем возникновении, — вечно новую РЕФОРМАЦИЮ, ПРЕОБРАЗОВАНИЕ, отвечающее ее образованию. Если Церковь не объята реформацией, преобразованием, значит она поддалась искушению, всем своим существом впала в такую сферу бытия, которая не есть церковность, и впала тем самым в невозможность спасения.

Но сохранение, а значит обновление, а значит реформация и преобразование Церкви могут исходить только от ее живого Господа. Община, которой угрожает смерть, может быть защищена от смерти только Им. Община, которая уже мертва, может быть пробуждена из мертвых к новой жизни и спасена только Им. Надежда, и единственная надежда Церкви в том, что Он так скажет Свое Слово, что среди христиан обнаружится соответствующий ответ: что Он еще раз примет и использует свидетельство Своих апостолов;

что Он сделает выражение и осуществление этого свидетельства сильным; глубоким и современным в деле уловления чело-
веков, как для самих христиан, так и для мира; что Он
будет действенным как Господь договора крещения; что в
Тайной Вечере он придет и будет нашим гостем; что его да-
ры нам будут благословенны. Нет твердой надежды на добрую
волю, религиозную искренность или на христианские идеалы.
Все это подвержено искушению, и уже пало. Все это вполне
человеческая сфера Церкви, а она нуждается в обновлении.
Стать источником собственного обновления она никогда не
сможет. Он, Иисус Христос, которому ничто не угрожает и
который не нуждается в обновлении, Он, Господь — надежда
Церкви.

Он — и Он один — ее надежда. Это и должна выражать
Церковь в своем устройении, к которому в этой связи мы те-
перь обращаемся. Устройство Церкви в любом случае должно
быть организовано таким образом, чтобы оно представляло
минимальное сопротивление для обновления Церкви ее живым
Господом, и гарантировало, с точки зрения человека, мак-
симальную степень открытости, свободы и преданности Ему
и осуществляемой им реформации. На что большее способно
устройство? Никакое устройство не обеспечит обновления или
реформации. Но одно оно способно и должно сделать — а по-
тому христиане должны помнить об этом в своем разделении,
когда перед ними стоит проблема устройства и организации
Церкви: устройства церкви может и должно придать Церкви та-
кую форму, которая выражала бы убеждение, что один Иисус
Христос — ее надежда.

Единая, святая, вселенская и апостольская Церковь

существует как ЗРИМАЯ ОБЩИНА, зримая община, собираемая Словом Божиим, укрепляемая и наставляемая Словом Божиим и служащая Слову Божию в этом мире. Это-то и должно в первую очередь выразить устройство Церкви. Церковь не существует как НЕЗРИМАЯ и потому аморфная сумма всех в данное время живущих "верующих". Это не то, потому что такое "платоническое государство" никогда не может представлять действующую и ответственную живую общину перед живым Богом. Больше того, Церковь заведомо не существует в индивидах, собравшихся вместе по своему собственному выбору (в соответствии с жалкой концепцией "демократии"), или в большинстве таких индивидов. Это не то, потому что призыв Иисуса Христа ко всем людям о вере есть то, что делает собрание верующих Церковью, а не наоборот. И Церковь не существует также как сановное представление Иисуса Христа общине, или общины Иисусу Христу, через так называемых носителей духовного "сана", независимо от того, имеем ли мы при этом в виду сан пастора или сан пресвитера. Еще менее существует Церковь в разного рода стоящих над общиной властях, в должности епископа или в иерархии; и она не существует также в представителях этих представителей общин, заседающих вместе в каком-нибудь синоде, или в иерархии таких синодов, или в их исполнительных комитетах, не говоря уже о какой-нибудь "коллегии" ("Верховной консистории" и т.п., установленной над общинами какой-то внешней инстанцией в соответствии с определенными (плохими) политическими привычками, - и это приложимо также к случаям, когда они называются "совета́ми братьев". Все это не то, потому что все эти посредничества человеческой власти и авторитета

могут только затруднить, а не облегчить свободное действие слова и духа Божия.

Живой Господь Иисус Христос печется о своей живой общине прямо, а не косвенно, не через ту или иную систему представительства, не путем последовательного обращения, придуманного людьми. "Вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так" (Мф.20,25,26). Страх, который стоит за идеей всякой авторитарной церковной структуры — плохой советчик. Такой страх привык уступать всякого рода человеческому произволу. Но есть ли это в конечном счете страх того, что без этого посредничества живой Господь станет иметь слишком малую — или, возможно, слишком большую — власть в живой общине? Но если этот страх преодолен, то нет причин избегать простой истины: Церковь там и только там, "где двое или трое собраны во имя Мое" (Мф.18,20), а потому в зримой общине, зримой для себя и для других. Здесь — либо будет вера, либо совсем не будет веры. Такая община либо живет, либо она не живет совсем. Но церковное устройство, которое не выводится из наблюдения общины и из понятия общины, не заслуживает своего названия. Оно может быть лишь ложным устройением, скорее беспорядком, чем порядком, а потому способно произвести лишь катастрофу, — что оно и сделает, и тем легче, чем последовательнее и старательнее оно выведено из того или иного внешнего основания.

Слово "община" не обязательно должно исключительно значить МЕСТНУЮ ОБЩИНУ как собрание христиан определенной местности, нет оснований, почему "двое или трое" не могут сообразиться вместе на каком-либо ином основании, кроме со-

седства. Несколько ниже мы подчеркнем важность этого положения. Но простейшая, наиболее доступная и до сих пор образцовая и регулярная форма такого собрания есть действительно местная община, границы которой совпадают с границами той или иной населенной местности. Она становится ею благодаря возможности регулярного богослужения.

Что такое богослужение? "Литургия" означает провозглашение великих деяний Бога: благодаря ей учреждается община, и в отправлении ее община дает себе возможность быть учреждаемой еще раз, снова и снова, Благодаря участию в этом богослужении, которому принадлежит в широком смысле также обучение молодых, братская дисциплина, пасторское попечение и другие формы служения, и из этого богослужения, возрастая и действуя в нем, община христиан живет, ее члены служат друг другу и вместе служат своему Господу, и своим свидетельством служат миру. Община означает общность в молитве и исповеди, в действиях крещения и причастия, совместное приятие и совместное упражнение в провозглашении благой вести. Община живет в этом конкретном событии в его предпосылках и следствиях. В целом, но не обязательно это и будет значить: она живет как местное общество. Если она живет таким образом, значит, в ней сделано все, что может быть сделано с человеческой стороны, так что по крайней мере ни одним камнем не завален путь к ее обновлению Господом.

Когда общество живет в качестве такой общины, становится очевидным, что единый дар и единая задача, данная общине ее Господом, принимает различные формы во всех ее членах, и что поэтому община может и должна представить

различные служения в своем служении Богу. Давайте говорить о служениях, а не о должностях! Когда признаются различные служения, тогда возможно соборное служение общины, и вся община возрастает и крепнет. В живой общине — аксиома то, что ни один из ее членов не может быть без такого служения. Насколько же мало общего этот вопрос о служениях имеет с разнообразными "властями", назначенными сверху или избранными снизу! Просто нет никаких церковных "властей" в общине, кроме Слова Бога в его библейском свидетельстве; и этой власти служит ВСЯ община во всех своих служениях. Достижение согласия внутри общины касательно способности того или иного члена для того или иного служения Слову — вот что такое "церковные выборы".

Среди "служителей Слова" всегда будет один, кто в рамках СВОЕЙ частной формы того дара и той задачи, которая дана ВСЕМ, помогает сделать богослужение всей общины, а тем самым существование самой общины, существование Церкви в ее человеческом аспекте возможным и реальным. Но из этого вовсе не следует какого бы то ни было представления о превосходстве одного служения над другим: речь идет лишь о различии функций. Священник не ставится выше других старейшин, а звонарь — ниже профессора теологии. Здесь нет места для различения "духовенства" и "мирян", или для просто "учащей" или "внимающей" церкви, потому что нет ни одного члена Церкви, который в свою очередь не был бы всем этим. Да будет вновь сказано ОБЩИНАМ: именно ОНИ безусловным образом и в лице всех своих членов, именно они, как Церковь в полном значении этого слова,

призваны действовать. Сохранение, и тем самым обновление Церкви зависит от того, насколько общины станут действительными общинами. Это в человеческом аспекте. Мы не забываем, что обновление Церкви может произойти лишь как событие, исходящее от ее Господа и Главы. Но когда это происходит среди людей, тогда в качестве решающего основания для всего прочего происходит следующее: не происходит никакой конференции епископов или других "людей Церкви"; не происходит каого-нибудь сговора на собраниях тех или иных групп церковнослужителей; не издается никаких приказов той или иной властью или "консисторией", но вместо этого община просто СТАНОВИТСЯ ОБЩИНОЙ, — прежде всего и как правило — в качестве местной общины.

Но эти местные общины не могут, конечно, быть единственной формой единой, святой, соборной и апостольской Церкви, потому что вопрос об их ЕДИНСТВЕ, на который община отвечает внутренне путем общения при богослужении и связанных с ним специальных службах, возобновляется вовне в аспекте отношений различных местных общин друг к другу. Если каждая из них, в полном смысле этого слова, есть именно ЦЕРКОВЬ, отсюда должно следовать, что они знают и признают друг друга взаимно в своей непрямой идентичности, и взаимно поддерживают, наставляют, укрепляют и в меру всего этого направляют друг друга в своем существовании, а значит, в обновлении и преобразовании своего существования. В таком контексте направлять значит служить, не господствовать: Если бы община в Риме хотела более служить, чем управлять, чем без нужды подчеркивать свое право господства, воздвигнув к тому же трон в своей среде и превознося

восседающего на нем непогрешимым судьей над верой и жизнью ~~и~~ всех общин, мы все могли бы быть римскими католиками.

Конечно, существуют органы для руководства многими общинами, — органы, которые в лучшем случае можно было бы представлять как суммирующие в едином экуменическом органе руководства каждой христианской общиной, отражая единство Господа Иисуса Христа, в единстве Его библейского свидетельства. Но нет такой общины, которая могла бы стоять как "власть" над другими конгрегациями, тем менее такого епископа или епископального совета, синода или исполнительного комитета, не говоря уже о какой-нибудь "правлящей" консистории и т.д. Орган руководства для многих или для всех общин сам мог бы быть лишь общиной: синодальной общиной, учрежденной (лат. — по случаю) из определенных членов заинтересованных общин. Она должна быть учреждена в видах ее специфического назначения, — мыслимо было бы даже назвать ее "общиной-матерью"! Ее действие среди остальных общин должно было бы иметь выдержанный характер особенного служения Богу, Ни в каком смысле ее задачей не будет править другими общинами, распоряжаться ими. Она не должна будет ограничивать их свободу в Иисусе Христе. Она скорее должна будет укреплять их, обращаться как ОДНА из общин к прочим и помогать им в служении, Однако, она будет иметь задачу провозглашать им слово Бога в отношении дела их единения и тем самым в отношении братства святых среди них. Она гарантировала бы прочим общинам их "католический", их "экуменический" характер.

Опираясь на духовный авторитет слова Бога, она должна была бы давать им совета в этом частном отношении, ободрить, но также предостерегать и порицать их, призывать их к проявлению инициативы в одном отношении и к сдержанности в другом, к доброму традиционализму в одном вопросе и к нововведению в другом. Она должна была бы помогать им в учреждении духовного порядка и в проведении его в жизнь. "Церковное правительство"? Нет! Церковное руководство со стороны такой специальной синодальной общины, созданной из общин для общин? Да! Общины, которые спрашивают в вере о послушании в вере других общин? Да! Святой Дух обладает неоспоримым авторитетом власти. Надо только позволить Ему идти Его путем, вместо того чтобы мешать ему. И именно для того, чтобы Он действовал Своим образом в каждой общине, необходимо, чтобы ведущая синодальная организация сама была свободной общиной, совершающей свое дело в свободе, подобно всем другим, стоящей рядом с ними, и тем самым представляющей их и отвечающей за всех них.

Помимо синодального собора, существуют другие организованные взаимосвязи между отдельными местными общинами, которые являются другими представительствами последних и органами их единства. На ум приходят свободные работающие общины, такие как различные молодежные группы, миссионерские общества, институт диаконисс и другие специальные учреждения и домашние учреждения и домашние общества. На ум приходят также военные общины: и почему не может быть также, в полной свободе и достоинстве (не в оппозиции к единству общины, но в подтверждении ее) время от времени

обществ той или иной христианской идеи и тенденции? Назовем это сейчас же своим именем. Такие специальные общества, создаваемые на базе совместной деятельности, ставшие необходимыми и выросшие из многих общин, а также внутри многих общин, всегда чувствовали себя, и фактически были, неким родом общины в служении Богу. Они могут и должны во всей серьезности стать этим и юридически. Они никоим образом не должны слагать с себя претензию и ответственность быть фактическими общинами, большими или малыми, осуществляющими богослужение, мыслящими и действующими в служении Богу, а потому в своей частной форме являющимися также единой, святой, соборной и апостольской Церковью. Они не более представляют собой просто ассоциации, группы, кружки или партии, чем руководство Церкви — просто официальное руководство. Они также стоят каждая на своем собственном месте в служении не во имя того дара и той задачи, которая дана всей живой общине живого Господа Иисуса Христа, и совместно с местными общинами и с синодальной общиной служат их общей задаче. Если они живут тем, что знают это и хотят этого, если они живут отправлением этого служения, то они — также Церковь в полном значении этого слова.

Эти основополагающие мысли возвращают нас к исходному пункту всего последнего рассуждения. Устройство Церкви не есть цель в себе. Церковь не есть цель в себе, и, следовательно, не является целью в себе подчиненные ей вещи. Это не значит, однако, что весь вопрос устройства можно поэтому решать исходя из национального, областного, местного, политического или социального каприза, или же слепо следуя "ис-

поведальной позиции" Отцов в том или ином отдаленном веке. Устройство Церкви, не в меньшей мере, чем проповедование и исповедование Церкви, должно быть сверху донизу оформлено в соответствии со словом Бога. Это не означает, что надо тупо вычитывать его слово за словом в Библии. Это означает, что надо всегда помнить о следующем: речь идет о том, чтобы община была готова, открыта и свободна для Слова Божия и для обновления Церкви этим Словом. Ввиду острой угрозы Церкви — речь идет о том, чтобы найти наиболее эффективное, умное и смелое действие, служащее тому, чтобы прямая встреча и дружество живого Господа Иисуса Христа с его общиной могло снова произойти как событие, чтобы разбитая цепь снова замкнулась, чтобы история уповающих и спешащих друзей Бога, временно приостановившаяся, могла продолжаться, идти вперед, и свидетели, провозвестники и глашатаи Иисуса Христа снова выступили в путь. Действительное начало этого движения не зависит от человека и человеческих усилий. Но от человеческих усилий зависит убрать с пути все, что мешает ему. Здесь-то и выступает вопрос о церковном устройении.

Против формы папства, а также против епископальной и пресвитерианской синодальной формы устройства существует то основное возражение, что они не только не служат готовности, открытости и свободе общения во имя Слова Бога и тем самым реформации Церкви, но фактически препятствуют ему. Они все основываются на том знаменательном противоречии, что они СЛИШКОМ МАЛО доверяют людям, — а именно, людям, собравшимся в качестве христиан, чтобы быть живой общиной

Господа Иисуса Христа, — и однако же, с другой стороны, они слишком многое вверяют людям, — именно, тем отдельным должностным лицам и представителям, которые избраны и назначены людьми с полномочиями быть внутри и вне общины ее представителями. В одном отношении все эти формы крайне осторожны в ограждении всяческого человеческого произвола, — но лишь затем, чтобы в другом отношении без всякой осторожности дать этому произволу свободный ход. Там, где действует эта первая осторожность в одном, и эта неосторожность в другом, там не может быть места для обновления Церкви. Там, где устройство Церкви основано на этой осторожности в одном и на неосторожности в другом, оно может создать лишь новое неустройство. Почему, в конце концов, нельзя устроить Церковь на основании осознания того, что Церковь — всецело от Бога, и должна ожидать ВСЕГО от Него? Все прочие устройства открыты тому упреку, что они отдают каким-то неверием. Как возможно с ними, чтобы та история, которая составляет сущность христианской церкви, двигалась вперед? Все эти дороги привели на сегодняшний день в тупик. Споры между их представителями уже давно стали бесплодными. Все, что остается возможным в их сфере, — лишь реставрации, не реформации. И Церковь, построенная по таким принципам, не способна дать ничего для политического возрождения, столь необходимого теперь в каждой стране. А ведь Церковь, которая во всех своих формах была бы живой общиной, стала бы уже давно, в своем ярком существовании в средоточии политической структуры, благовестом также и в области политики. Но где ей взять этот благовест, и как быть им, пока основой ее устройства является презрение к общине

и беспокойство при мысли о ее свободе?

Противоположный путь, которого мы коснулись, также не совсем нов. Он совершенно ясно обозначился в своих основных очертаниях уже в шестнадцатом и семнадцатом веках в церковном движении в Англии, — движении, которое до нашего времени слишком мало замечали или слишком быстро отвергали. Общины, которые посмели там в то время дать оформить себя этим движением, сделались известными по крайней мере в эпоху кризиса ХУШ в. тем, что перед лицом Просвещения, как это ни странно, смогли устоять намного лучше, чем прочие английские Церкви, которые на первый взгляд были намного лучше вооружены своими епископальными и пресвитерианскими синодальными властями. Именно из этих общин происходит "отцы пилигримы". Судя по тому духу свободы, в котором они построили Церковь в Америке, едва ли можно сказать, что у них не доставало организационной силы. И едва ли будет произвольным заключением предположить, с оправданным учетом хорошо известного политического здоровья и политической зрелости англичан вообще, что в течение веков существовали именно такие христианские общины. Надо только еще глубже обосновать внутреннюю необходимость их пути, надо только более ярко осветить и более последовательно и в то же время более осмотрительно, чем это делалось до сих пор, выдвигать их экуменическую ценность и значение. Их проблемы — истинные проблемы: истинные потому, что они заставляют нас размышлять над тем, что является основным для христианской Церкви. Не случайно, что это движение снова поднято в наше время группой молодых английских теологов в совершенно новой перспективе, не без связи с развитием континентальной протестантской теологии и экумени-

ческим движением. И тоже не случайно, что так называемые "младшие церкви" в называвшемся так ранее "миссионерском поле" отчетливо выступили в том же самом направлении самостоятельно и не побуждаемые какой-либо из предыдущих традиций. "Кто знает, - писал Фридрих Лоофс еще в 1901 г. (имея тогда в виду конкретно ситуацию в Германии), - не случится ли однажды, когда устоявшиеся церкви старого мира развалятся, что общинная форма Церкви сможет иметь будущее также и среди нас?" Возможно, это было истинно пророческое "кто знает"?